

УДК 82.0(091)

МАРСИЯ НА КОНЧИНУ ШЕЙХА МУХАММАД-ЗАКИРА КАМАЛОВА

А.А.Хасавнех, кандидат филологических наук

Личность Мухаммад-Закир ишана ал-Чистави (Камалова, 1804–1893), его жизнедеятельность за последние годы стали привлекать внимание все большего количества как отечественных, так и зарубежных ученых. Принимая во внимание тот факт, что к XIX столетию в Волго-Уральском регионе действовали два основных духовных лидера: в юго-восточной его части – Зайнулла Расулев (1833–1917), в центральном же Поволжье – Мухаммад-Закир ал-Чистави, сложились два основных очага мусульманского образования: медресе «Расулия» в Троицке и медресе «Камалия» в Чистополе, куда съезжались тысячи студентов не только из центральных регионов России, но и с сопредельных территорий – Средней Азии, Кавказа, Казахстана, несомненно, духовное наследие и жизнедеятельность этих двух центральных фигур, суфийских наставников накшбандийского тариката требуют самого детального и пристального изучения. К сожалению, деятельность М.-З.Камалова к настоящему времени все еще остается малоисследованной. Что касается его биографии, то, пожалуй, единственным, кто наиболее серьезно подошел к ее изучению, является Р.У.Амирханов¹. За последние два года нами были опубликованы статьи, которые приоткрывают некоторые новые детали из биографии татарского духовного деятеля, но особое внимание в них обращено анализу его собственного объемного сочинения

«Табсират ал-муршидин мин ал-машаих ал-халидийин» [1] (Руководство наставников от шайхов халидийской [ветви]), рассказывающего об этике и ритуальной практике представителей суфийского тариката Накшбандийа².

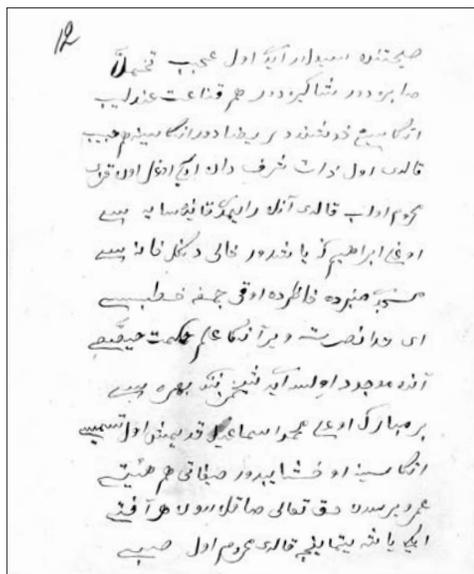
Великому шейху, имаму М.-З. ал-Чистави, еще при жизни было посвящено множество касыд (восхвалений), появляется целый ряд марсия (элегий) уже после его смерти. Одна из них была найдена во время археографической экспедиции в 1983 г. на территории Бугульмы литературоведом Шакиром Абиловым (1915–2004) [11]. Объем рукописи – 20 листов, формат 22,5 x 18 см, 14 строк на листе, постраничная современная пагинация. На полях рукописи встречаются глоссы автора рукописи. Штемпель конгрессного тиснения на листе 2^а указывает на то, что бумага российского производства, изготовлена на фабрике Волынской губернии в период с 1886 по 1901 г.

Автор марсии-элегии по каким-то причинам оставил свое поэтическое произведение безымянным, но, судя по содержанию, несомненно, это – один из муридов М.-З.Камалова. Данное предположение подтверждается строками из данной элегии, где восхваляются качества наставника М.-З.Камалова – дагестанского шейха накшбандийского тариката Махмуд афанди ал-Алмали ад-Дагестани (1853–1919), где автор называет его «наставником нашего наставни-

ка»: *Хак риза улсын Чистай ишан хэзрэтдин вә-с сәлам, / Остазымыз остазыдыр Мәхмуд әфәнде галәйһи-с-сәлам* [11, с. 9^а]. (Да останется же доволен Всевышний ишан-хазратом Чистави, / Наставник нашего наставника же – Махмуд афанди, мир ему). Примечательно то, что элегия написана в четырех различных вариантах, притом в каждом из них встречаются определенные повторы с добавлениями новых деталей повествования³. В процессе изучения данной элегии сложилось такое впечатление, что автор, всякий раз переписывая свое произведение, старался его улучшить, включая все новые и новые детали из жизни и деятельности Закир ишана, а где-то местами и чуть видоизменяя его. Таким образом, мы выделили основной вариант, состоящий из 177 поэтических строк, а дополнения к нему в цитатах помечали номерами листов, с которых они взяты.

Согласно традиции, сложившейся в мусульманских литературах Востока, первые девять строк элегии начинаются с восхваления дарующего блага Аллаха, ниспославшего религию Ислам в качестве великого дара всему человечеству, Его Пророка – «любимого» (*хабиб*), заступника в День Суда, а также его благородных жен. Отдав должное традиционным отступлениям, поэт переходит к основной части элегии, где воспоминания и сведения о достойных качествах и благих деяниях шейха Мухаммад-Закира ал-Чистави переплетаются с отступлениями, где автор ведет философские рассуждения, либо выражает свою авторскую позицию по тому или иному вопросу.

Сразу же после традиционного начала автор вводит читателя в первое философское отступление, где ведет рассуждения о неизбежности смерти, когда никакие внешние усилия и даже лечение уже не в силах изме-

нить предначертанного Всевышним срока пребывания человека на земле: *Тордыгынча гарше көрси, ләухе калям, арзы-сәма / Вәҗиб улды безә мәүте Зә-л-җәләл, Зә-л-кәмал* [11, с. 1^а]. (Пока существуют небесный престол, Божий трон, Книга судеб, земля и небосвод / Предписана нам смерть, о Обладающий величием и совершенством). Жанру элегии как в восточных, так и западных литературах свойственны такого рода отступления, где автор ведет речь о таких антитезах, как жизнь и смерть, радость и горе, любовь и ненависть и т.д. Поэтому неудивительно, что в данном произведении татарского автора значительное место уделено рассуждениям об извечных вопросах. В продолжении темы о смерти поэт уже в суфийском духе рассуждает о переходящей ценности материальных благ. В контекст элегии включена кораническая эпитафия из 185 аята суры «ал-Имран»: *Кәлл-е нәфс зәһик әл-мәүт, би-гыйләҗдер би-мәҗсәл* («Каждая душа вкусит смерть», и лечение неуместно). Тема о предопределении срока жизни человека широко представлена в Коране: «Каждая душа вкусит смерть, а потом к Нам вы бу-

дете возвращены» (29: 57); «Ни один человек не умрет, кроме как с дозволения Аллаха, в предписанный Им срок» (3: 145) и т.д. В известном хадисе Пророка сказано, что когда человек рождается, ему записывается четыре вещи: удел человека, срок его жизни, его дела, а также будет он счастливым или злосчастливым [9].

По словам автора, даже совершеннейшего человека (*инсан камил*) – посланника Аллаха – не миновала смерть, и он оставил бранный и непостоянный мир. Вводя в канву рассуждений об ограниченном сроке пребывания человека на земле образ пророка Мухаммада, который совершил ночное вознесение (*мирадж*) на небеса и является «гордостью восемнадцати тысяч миров»⁴, поэт создает некую контрастность, желая тем самым сказать, что смерть настолько неумолима, что не миновала даже самого Пророка, а что же остается простым смертным? *Унсигез мең галәм фәхре кәлде, күрдең рихләте, / Алды эңанын, китде, дус ирде, аңа нәүбәте* [11, с. 1⁶]. (*Гордость восемнадцати тысяч миров пришел, ты знаешь о его переходе [в мир иной], / Подошел черед – взял и его душу [Аллах], [хотя] он другом Его был*). Включение в литературные произведения сур из Корана или отдельных отрывков из священных хадисов обернулось необратимой традицией как в татарской литературе, так и в других мусульманских литературах. По мнению Х.Ю.Миннегулова, «то влияние, которое Коран оказал на арабскую литературу, а через нее и на литературы всех мусульманских народов, не поддается никакому измерению... С течением времени в исламской литературе все чаще и чаще встречаются коранические изречения, ассоциации с речью пророка и содержанием его проповедей, развитие коранических образов и доктрин» [8, с. 112].

Эта часть элегии как бы предваряет повествование о самом М.-З.Камалове, которое, в свою очередь, можно условно разделить на три части: о примечательных деталях жизнедеятельности Мухаммад-Закира ишана, включая его достохвальные качества; подробное изложение его кончины и, наконец, заключительная часть элегии, где рассказывается о многочисленном потомстве шейха, дальнейшей судьбе некоторых из его детей и последователей-муридов.

Биографических сведений о шейхе Мухаммад-Закире сохранилось не так много. Вот, например, что пишет о нем известный религиозный деятель и просветитель Ш.Марджани: «Мулла Закир, сын Абдул-Вагапа, сын Абдул-Карима ас-Саснави. Родом из большого села Сасна Малмыжского уезда, сын купца. Получив образование в Маскаре⁵ у муллы Габдуллы, сына Яхьи, и в Сасне у муллы Тазетдина, сына Габдур-Рашида эль-Иштиряки, стал имамом в этом городе. Получал поддержку муллы Махмуда, сына Мухаммеда, сына Садыка, сына Мустафы ад-Дагестани, заслужил его доверие» [7, с. 207]. Согласно изысканиям, проведенным Р.У.Амирхановым, Мухаммад-Закир почти полвека был имам-хатыбом мечети в г. Чистополе Казанской губернии. Там же он содержал медресе «Камалия», выпускниками которой стали такие выдающиеся представители татарского народа, как Р.Фахреддин, Ф.Карими, Г.Гафуров-Чыгтай, Г.Исхаки и др. [3]. Эти сведения подтверждаются и со слов автора элегии, современника и мурида шейха Мухаммад-Закира ал-Чистави: *Хәмде бәгъдә башлайалым бер тәбәрәк, и әхи, / Чистай илендә улыбды бер гәжәйеб хуш сәхи. / Исме мәшһүр Закир иде, әткәсе Габделваһһаб, / Чиставидыр, Сасनावидыр, бу сүзә тотың колак* [11, с. 1⁶]. (*После «Фатихи» начну читать я «Табарак», о брат /*

В Чистополе жил благодетельный и славный [шейх]. Имя его Закир, по отцу – Абдулваххаб, / ал-Чистави ал-Саснави, запомни это). Шейх Чистави, уроженец деревни Сасна, получил блестящее образование в знаменитом Маскаринском медресе. В произведении всячески прославляется данное учебное заведение. Шакирды получали совершенные знания по мусульманским наукам, в медресе царил дружелюбная атмосфера. Маскара в то время была одним из основных образовательных центров для мусульман всего Волго-Уральского региона: *Дәрсе гыйльмен укымыш иде Мәчкәрәдә би-тәмам, / Мәчкәрәдә сигез иде мәдрәсә, фәнә тәмам. / Мәдрәсә гадәденчә иде, кафиләр (?) йәшләрә фирка-фирка беләр иде һәр берен заһир-гайан* [11, с. 5⁶]. (Наукам обучался он в Мачаскаре, / В Мачаскаре насчитывалось восемь зданий медресе. / Медресе обычное, молодежь [из студентов] группами, знают друг друга хорошо...). По окончании этого медресе Мухаммад-Закир Камалов, как известно, назначается имам-хатибом Чистопольской мечети и разворачивает там бурную деятельность. Успешно занимаясь торговлей, он становится купцом второй гильдии. На свои средства он строит несколько добротных зданий, в том числе само медресе «Камалия». Согласно данным, полученным Р.У.Амирхановым, это был своего рода религиозный комплекс, состоящий из четырех зданий. По словам ученого, это «учебное заведение дало путевку в жизнь сотням молодых людей, прибывших сюда из различных уездов и губерний России для получения исламских знаний»⁶. Однако, согласно марсие, речь идет не о сотнях, а о тысячах муридов Мухаммад-Закир ишана. В произведении также говорится о том, что слава о Закир ишане распространилась по всей необъятной территории Российского

государства: *Жәһед йек салыутде гомре илдә имамлык кылыб, / Мәсҗед-мәдрәсәләр, ханәләр ташидин йавыб. / Гариф иде, гамил иде, гыйльмедер гыйрфан илә, / Шәех иде, мәршид иде нәчә мең мәрид илә. / Уфа, Казан һәм Орынбур һәм Троицки каласы, / Дагыйстани, Әчтерхани – канда булды сайәсе* [11, с. 9^а]. (Год жизни провел [ишан] с усердием на посту имама, / Из камня он отстроил мечети, медресе. / Он просвещенным был, а знания и в жизни применял, в науки сокровенные посвящен, / Шейхом и наставником он был, имея тысячи муридов / Из Уфы, Казани, Оренбурга и города Троицка, / Дагестана, Астрахани – куда только не упала его тень).

Стихотворные строки, где даются сведения или восхваляются многочисленные достоинства, личные черты характера Закир ишана ал-Чистави, начинаются, как правило, со строки: *Хәмде бәгъдә баилайалым бер тәбәрәк, и әхи* (После чтения суры «ал-Фатиха» начну читать я табарак⁷, о брат). Вот те качества, которые были присущи Закир ишану: *гажәб* (удивительный), *хуш сәхи* (добродетельный); *гариф* (обладающий мистическим знанием), *гамил* (тот, чьи поступки соответствуют его мыслям, словам), *гыйльмедер гыйрфан илә* (познание особое, которое достигается посредством внутренних озарений); *жәмләсендин фазыйл иде шул заман* (превосходил всех в то время); *мәхтәсибдер* (религиозный ученый), *мәгътәбәрдер* (достойный уважения); *һимам* (доблестный) и, наконец, самое высокое звание в иерархии суфиев – *шәйхе котыб* (полос шейхов). Как видим, в преобладающем большинстве при описании достойных и благородных качеств, коими обладал Закир ишан, внимание читателей акцентируется на его образованности, широких и глубоких познаниях в религиозных науках, особом

мистическом знании, присущем избранным суфиям, и т.д. Кроме того, он в своем арабоязычном сочинении «Табират ал-муршидин...» (Руководство наставников) отмечал, что «качествами истинного шайха являются: отстраненность от бренного мира, отсутствие к стремлению достижения высокого положения [в обществе]; кроме всего прочего он должен довольствоваться малым: в еде, питье, разговорах и сне, приложить большее усердие в молитвах, подаяниях (*садака*) и посту» [1, с. 34]. Кроме того, среди лучших качеств суфийских наставников он выделял соответствие их поступков словам, ибо знания, по мнению М.-З.Камалова, должны подкрепляться мыслями, образом жизни и действиями [1, с. 34]. Поэтому-то автор марсии среди похвальных качеств шейха выделяет слово «гамил», что свидетельствует о том, что Закир ишан не только был искусным проповедником, но и на собственном примере демонстрировал окружающим безупречный с точки зрения исламской этики образ жизни. В элегии Мухаммад-Закир ишан предстает ученым в исламских науках, достигшим высочайших вершин в знаниях, и просто прекрасным человеком. Согласно мнению Р.У.Амирханова, «правительство наградило его [Закир ишана] за усердную службу большой серебряной медалью» [2]. О добром и уважительном отношении к Закир ишану со стороны правительственных органов, которое проявлялось до тех пор, пока он не стал активно препятствовать политике русификации, что, в частности, выражалось в протесте против введения преподавания русского языка в его мектебы и медресе, сказано и в марсии: «*Шунча галим булды аның фазыйләте, хуш холкыны, / Әмиринләр, хакиминләр сакладылар кадерене* [11, с. 9^а]. (Его

превосходство – в его учености, / Оберегали [ишана] правители, государи).

Вторая часть элегии посвящена описанию кончины шейха М.-З. ал-Чистави. Она выделяется особой глубиной переживаемых чувств, тонким психологизмом и эмоциональностью. Автор сообщает уже известную для многих исследователей дату кончины Мухаммад-Закир ишана, добавляя при этом, что душа шейха отошла в мир иной после ночного намаза: *Сәна бең дә сигез йөз дә ки туксан өченче румийа / Жиһандин кәчде бер шәех, мең өч йөз унберенче тарихда / Шәрәф зөлкагьдә аенда егерме өченче йәүмендә / Әмәнат рух-ы тәслимат көч атна кич йәсигь бәгьдә* [11, с. 1^б]. (В 1893 году по Миляди, / в мир иной шейх отошел по Хиджри в 1311 году – В благородном месяце Зуль-када, / Душа его достигла покоя после ночного намаза, к вечеру). В марсии сказано также, что до своей кончины М.-З.Камалов болеет неизлечимым недугом и, спустя два дня и одну ночь, умирает. С глубоким психологизмом автор описывает последние минуты жизни Закир ишана. Рядом с ним находились его жена Бибифатима и дочь Гандалиб. Бибифатима-ханым обращалась к нему с проникновенными и чувственными речами, ласково называя суженого: «опора детей моих», «богатство жизни моей», «верный», «преданный», «обладающий прекрасным терпением». Молясь Всевышнему, Бибифатима-ханым просит для мужа и отца ее детей всяческих благ: *Жәлес улды баиш тарафда Ганәлиб – рәис кызы / Һәм садыр тарафында улды Бибифатыйма зәүжәсе. / Кәримәсе йалварды хуш мәкал лотфилә: / Вай фәрзәндәләрем пәнаһы, гомеремнең сәрмайәсе дийүбән аһлә. / И, кәримем, зәл-вафа, хәснә-р-риза, сәмма риза,*

/ Ике жиһан шаһы хушнуд улса иде һәб сәңа [11, с. 2^а]. (У изголовья [шейха] сидела Гандалиб – дочь предводителя / А у груди его жена Биби-фатима. / Благородная [Фатима] ласково молила: / Ах, «прибежище» и «опора» детей моих, «богатство» моей жизни. / О, благородный мой, преданный, ты – обладаешь терпения, / Да одарит тебя повелитель двух миров). Мухаммад Закир ишан, несмотря на тяжелое состояние, проявляет стойкое смирение. Он прощается со своими родными с чувством удовлетворенности и большой благодарности к ним, а в первую очередь, к своей спутнице жизни, с которой они вместе вырастили и воспитали четырнадцать детей: Чук ризалык күстәреб рифкылә диде аңа: / Халеме хуш белеңез, димәңез тәкраз бәңа. / Рифкылә миһрилә бакды күзене Гандалибә, / Сыйһәтендә сунәр (?) иде ул гаҗәб тәхәммел [11, с. 2^а]. (Проявив истинное довольство, с добротой сказал ей [жене]: / Знайте, что все в порядке, не повторяйтесь, прошу. / [Затем] с милосердием и нежностью взглянул на Гандалиб, / Здоровье таяло его, но стоек был).

О кончине шейха автор выражается символично: Кабзә улынды рухы аның, калды кафәс фанәсе [11, с. 6^б]. (Душа его принята [Всевишним], а клетка бренного мира осталась). В данном контексте образ клетки означает тело, которое остается в земле, в то время как душа в виде птицы (хотя в произведении образ птицы отсутствует, но подразумевается) взлетает ввысь. Вообще прием образного выражения смерти очень широко распространен и в тюркской поэзии. Мотив отделения души от тела и полета ее в обличье птицы в просторы неба встречается еще в первой классической поэме тюркских народов «Наука быть счастливым» Юсуфа Баласагунского (1018–1075):

Случилось нечто странное
со мною –
Раскрылись крылья
за моей спиной.
Я стал крылат, я в небо возношусь,
Тускнел мой взгляд, и разум мой
мутился [4, с. 158].

В легендарной поэме Кул Гали «Кысса-и Йусуф» данный мотив присутствует в сюжете смерти отца Йусуфа – Якуба:

Шәриф тәндин айырулды
газиз жаный,
Коша бәнзәп оҗмах таба
очар имди [6, с. 158].
От благородного тела
отделилась его душа,
И, птице уподобившись,
взметнулась к раю.

Татарский поэт периода Золотой Орды Кутб в «Хәсрәү вә Ширин» также задумывался над вопросом отделения души от тела:

Бу сүз әйгинчә, нәгяһ вакты йитте,
Кафәсдин жаны кош тик,
очты китте [10, с. 128].
Только слово с уст сорвалось,
наступил черед,
Словно птица, дух сей
вылетел из клетки.

Таким образом, вторую часть поэмы, где описываются последние минуты жизни шейха М.-З.Камалова, выделяет яркая образность, специфические термины и символизм, которые, с одной стороны, имеют глубоко суфийские корни, а с другой – восходят к традициям, бытующим в средневековых литературах мусульманского Востока, татарской литературе в частности.

Третья, самая объемная, часть элгии рассказывает о многочисленном потомстве некоторых избранных му-

ридов и последователей шейха М.-З. Камалова, об их дальнейшей судьбе после кончины главы семейства. Из элегии мы узнаем, что после смерти шейха у него остались два сына и десять дочерей. В обязанности старшего сына Ибрагима входило чтение пятничных проповедей. В силу его молодости, автор элегии выражает сожаление, что отца его, который мог бы наставлять и направлять сына в нужном русле, уже нет рядом; он возносит мольбы к Аллаху и просит ниспослать ему помощь в углублении своих познаний: *Угълы Ибраһим ки йәшдер, хале дәгел фанәсе, / Мәсҗед-минбарда хазир укый җомга хәтбәсе. / И Хода, нәсрәт бир аңа гыйлмехикмәт хиссасы, / Анда мәүҗүд улса иде шәйхемезнең бәһрәсе* [11, с. 6⁶]. (Сын его Ибрагим еще молод, (?) / С минбара⁸ мечети читает он пятничные проповеди. \ О Аллах, ниспошли ему помощь в постижении премудростей наук, / Ах, если б было в том участие нашего шейха). Что касается его второго сына Мухаммад-Исмагила, то из произведения мы узнаем, что на момент кончины Мухаммад-Закир ишана ему не исполнилось и двух лет. Автор элегии называет его благословенным, так как и внешне, и характером он очень похож на своего покойного отца: *Бер мөбәрәк угълы Мөхәммәд Исмәгыйль тәсмисе, / Әткәсенә охшайыбдыр сыйфаты һәм һийәте. / Гомер вирсен Хак Тәгалә, сакласын һәр афәте, / Ике йәше йитмәйенчә калды мәхрүм ул сабый* [11, с. 6⁶]. (Один благословенный сын по имени Мухаммад-Исмагил, / Правом и внешностью похож он на отца. / Пусть долгую жизнь дарует ему Аллах и защитит его от разных напастей и бед, / Остался сиротинушкой он, не достигши и двух лет). Говоря о многочисленных достоинствах представителей многочисленного семейства Мухаммад-Закир ишана, автор с

восхищением восклицает: *Фазлы Хакдыр җан-кузең ач вә-с-сәлам, / Бу нә мәнзел, бу нә җәннәт бу мәкам* [11, с. 9^а]! (По милости Аллаха открой глаза и душу, / Что это за дом – райское место, [не дом]!). Действительно, многие дочери М.-З.Камалова удачно выходят замуж; их мужьями становятся известные и высокообразованные представители татарского народа.

В элегии значительное место уделено Мухаммад-Наджибу Амирханову, и это не случайно. Как известно, Наджиб Амирхан был сыном близкого друга М.-З.Камалова – Мухаммад-Хусаина Амирхана, с которым ишан вместе учился в Маскаринском медресе. Согласно сведениям Р.У.Амирханова, «в 1893 году в Чистополь приезжает Мухамед-Наджиб... В тот год шейх Мухаммад-Закир уже тяжело болел, ему было трудно руководить людьми. Постепенно он задумывается о том, на чьи плечи он возложит после своего ухода миссию духовного наставничества. В феврале состоялась свадьба Мухаммад-Наджиба и дочери шейха (имеется в виду дочь М.-З.Камалова Камилятенниса. – А.Х.) ... По благословению Шейха, Мухаммад-Наджиб начинает активную деятельность среди мусульман Чистополя. Вскоре он стал преемником шейха Мухаммада-Закира Чистави» [3]. Все эти сведения относительно Наджиба Амирхана отражены и в элегии с некоторыми немаловажными дополнениями. По словам автора произведения, Наджиб Амирхан, поистине, был духовным преемником (*халифа*) шейха, так как характеризовался как человек основательный, надежный и стойкий. Он заслужил любовь и доверие Мухаммад-Закир ишана и получил от него *иджазу* (разрешение на наставничество), что давало ему право самому обучать учеников (*муридов*). После смерти своего наставника Наджиб Амирхан остается

исполнять обязанности имама мечети, т.е. продолжает дело, начатое его наставником – М.-З.Камаловым. Также из элегии мы узнаем, что у Наджиба Амирхана также было несметное количество муридов со всех концов России: *Имди калды ул мөкандэ кияу мулла Нәҗиб, / Гыйльмелә, хыйльмелә мәсуф булды хәзрәткә хәбиб. / Дәрсе мәшгуль калды, аны изен вирде би-тәмам, / Мәсҗед-михрабда хазир кылды аны ул имам... / Көлле әтрафдин мөридләр димәгә, хәдд, йук саны* [11, с. 4^а]. *(Итак, остался на том месте зять мулла Наджиб, / Образованностью и надежностью отличался, полюбил его хазрат. / Остался он преподавать, [шейх] дал ему иджазу, / Он подготовил его как имама мечети... / Муриды, числа им нет, [съезжались] со всех концов).*

Также из элегии мы узнаем о печальной судьбе дочери Мухаммад-Закир ишана Хадичи, вышедшей замуж за муллу Закира⁹. Мулла Закир, сам родом из Чистополя, занимался преподаванием в медресе и служил имамом во второй мечети прихода Мухаммад-Закир ишана. Из поэтического произведения мы узнаем, что мулла Закир, как и остальные зятья, являлся муридом М.-З.Камалова и во всем ему повиновался; он блестяще освоил исламские науки, был знатоком Корана (*хафиз*), однако за три месяца до кончины Мухаммад-Закир ишана он безвременно ушел из жизни. В элегии с глубоким психологизмом описываются страдания Хадичи. Мухаммад-Закир ишан сам очень тяжело переживает смерть зятя; это известие отражается на его сердце: *Вафаты өч ай мөкаддәм иде шейхдин шул заман, / Шәйхемезнең йөрәгенә гассә йагъды рәдд һаман* [11, с. 4^а]. *(Он погиб за три месяца до [кончины] шейха, / Сердце нашего шейха прихватило кряду много раз).* Но за первым ударом в жизни дочери шейха Хадичи

последовал второй – уже после кончины отца умирает ее сын, которому едва исполнилось два года.

В этой же, заключительной части элегии приводятся сведения и о суфийском наставнике (*муриид*) самого М.-З.Камалова – Махмуд-афанди ад-Дагистани ал-Алмали (1810–1877), который был родом из дагестанского села Алмали. В произведении заключены уже известные сведения о шейхе Махмуд-афанди, а именно то, что он был способен творить чудеса (*карамат*), а также то, что похоронен он на территории Астрахани. Автор произведения отмечает, что Мухаммад-Закир ишан в свое время научился у совершенного наставника (*камил устаз*) многим наукам: *Шәех Мәхмуд әл-Фәгал улдыр әһле камәл, / Камил остаз улмакыдин сабак алды би-мәҗсал. / Нәчә фәндин хасыйл итмеш ул ирәнләр сөрүре, / Гәм кәрәмәт садыр улмыш, кабере идүр Әчтерхани* [11, с. 9^а]. *Шейх Махмуд был из суфиев, / Будучи совершенным наставником, он давал наставления. / Скольким наукам научились у него, [источника] радости мужчин, / Из него исходили чудеса, могила же его в Астрахани).*

В марсии, словно крупницы, рассыпаны изречения автора в суфийском духе. Они выполняют роль своего рода коротких афоризмов, что, несомненно, скрашивает все произведение, придавая ему законченную форму и лаконичность. Например: *Нитәкем җан тәндәдер, и мөмкинәт, / Җан кидәчәк, малың улыр би-сәбат* [11, с. 7^б]. *(В то время, как душа в теле, [существует возможность], / Душа покинет [тело], а земное богатство непостоянно),* или: *Раббенә, Раббе Кәрим, Мөгътыйәт! / Хөббе дөнйә илә итмә беги мат* [11, с. 12^б]. *(О Господь, Милостивый и Дарующий! / С любовью к [бренному] миру не забирай наши души)* и т.д. Местами эти же самые афоризмы выполняют роль

«заключений», разделяя, таким образом, текст на отдельные повествования о том или ином члене большого семейства Мухаммад-Закира Камалова. Так, например, после рассказа о мулле Наджибе Амирхане читаем: *Нә өчен кәлдең вәҗүдә, бел, үзең, / Мәҗрифәтлә, бел, нә җәүһәрәң сүзең* [11, с. 14^a]. (*Зачем тебе дана жизнь, постигни сам, / Ради познаний, знай, и слова твои как благородные камни*). После повествования о мулле Закире заключено следующее двустишие, смысл которого так или иначе связывается с личностью самого мурши-дина Закира: *Әгәр гәрчәк ир исәң, мәдрә ул, / Фәна ул әүвәл, андин патша ул* [11, с. 15^a]. (*Если ты мужчина, то будь человеком, / Земной мир сначала, потом уж будь царем*). Иными словами, этот афоризм в определенной степени раскрывает перед нами личность мурши-дина Закира, который, по всей видимости, будучи практикующим суфием, не сторонился и мирских дел, собственным трудом добывая себе хлеб насущный. Как известно, основной принцип Накшбандийа: «Сердце – возлюбленному (т.е. Богу), рука – делу». Многие из татарских поэтов-суфиев (М.Кули, А.Каргалий, А.Тубыли и др.), будучи приверженцами накшбандийского

тариката, несмотря на свою ученость и высокое положение в обществе, занимались простым крестьянским трудом, а земледелие воспевалось в их стихах как самое достойное и благородное занятие. Жизнедеятельность Мухаммад-Закира ал-Чистави также ярко демонстрирует нам этот же принцип.

Данная элегия раскрывает читателям лишь небольшую часть фактов из биографии и деятельности Мухаммад-Закира Камалова, его родных и некоторых из муридov и преемников. Много из жизни Закир ишана, других представителей духовной элиты татарского народа остается неизученным. Поисковая работа год от года выявляет все новые и новые труды татарских богословов. Хочется надеяться, что дальнейшие изыскания ученых смогут постепенно восполнить этот пробел, ведь на современном этапе изучение трудов религиозных деятелей такого масштаба, как М.-З.Камалов, З.Расулев, Г.Баруди, активно отстаивавших право татарского народа на самобытность, борющихся за развитие духовной культуры, за достойное настоящее и будущее своих соплеменников, представляет большую актуальность и значимость.

Литература

1. Абу 'Абдуррахман Мухаммад б. 'Абдулваххаб ал-Чистави. Табсират ал-муршидин мин ал-маша'их ал-халидийин // Шуайб б. Идрис ал-Багини. Табакат ал-Хваджакан ан-Накшбандийа вас адат ал-маша'их ал-Халидийа ал-Махмудийа (на арабском языке). Дамаск: Дар ан-ну'ман ал-'улум, 1999. – С. 5–76.
2. Амирханов Р.У. Закир ишан Камалов и татарское просвещение [Электронный ресурс] / Р.У.Амирханов – URL: // http://tat-business.ru/finlyandskie_tatary13/finlyandskie_tatary16/.
3. Амирханов Р.У. Путь шейха Мухаммад Закира Чистави [Электронный ресурс] / Р.У. Амирханов. – URL: <http://www.sufizm.ru/lib/douknow/chistavi/>.
4. Баласагунский Юсуф Хасс-Хаджиб. Наука быть счастливым. – М.: Худ. лит-ра, 1971. Перевод Наума Гребнева. – С. 158.
5. Клепиков С.А. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. / С.А.Клепиков. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1959. – С. 103.
6. Кол Гали. Кыйссаи Йосыф. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – Б. 208.

7. *Марджани Ш.* Мостафад эл-эхбар фи эхвали Казан вэ Болгар. – Казань: Типоли-тография Императорского ун-та, 1900. – Т.2. – С. 207.
8. *Миннегулов Х.* Татарларда ислам дине / Х.Миннегулов // Мирас. – №4. – 1998. – 112 – 115 б.
9. 40 хадисов имама ан-Навави: хадис 4.
10. *Хисамов Н.* Бөек язмышлы эсэр. –Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – Б. 128.
11. Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ: ф. 39, оп. 1, ед. хр. 3251.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: *Амирханов Р.У.* Закир ишан Камалов и татарское просвещение // Гасырлар авазы – Эхо веков, 2001, № 1/2, с. 69–78; *Амирханов Р.У.* Путь шейха Мухаммад Закира Чистави [Электронный ресурс] / Р.У. Амирханов. – URL: <http://www.sufizm.ru/lib/douknow/chistavi/>; *Амирханов Р.У.* Знаменитость всероссийского масштаба (Закир ишан Камалов) [Электронный ресурс] / Р.У. Амирханов. – URL: <http://www.tataroved.ru/institut/novhist/publ/3/>.

² См. подробнее: *Хасавнех А.А.* Биография татарского накшбандийского шейха Мухаммад-Закира ал-Чистави (Камалова) в дагестанских арабоязычных сочинениях // Суфизм: идеи, практики, институты. Традиции и современность (Международный научно-методологический семинар). – Киев, 2012. – С. 10–13; *Хасавнех А.А.* Сочинение татарского шейха Мухаммад-Закира ал-Чистави “Табсират ал-муршидин”: краткий обзор // Суфизм: идеи, практики, институты. Традиции и современность (Международный научно-методологический семинар). – Киев, 2012. – С. 13–15; *Хасавнех А.А.* Биографические сведения о татарском шейхе Мухаммад Закире ал-Чистави в дагестанских арабоязычных рукописях // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2012. – № 1(18). – С. 78–81.

³ Далее в цитатах такого рода дополнения к основному варианту марсии заключены в квадратные скобки.

⁴ В истории исламской мысли насчитывается восемнадцать тысяч миров, куда входят мир людей, мир ангелов, мир джиннов и т.д. В суфийской литературе имеются сведения о восемнадцати тысячах миров (Саджади – «Словарь мистических слов, терминов и выражений», с. 567). В произведениях таких известных мистиков Востока, как И.Насими, Ш.И.Хатаи и др., можно часто встретить выражение «восемнадцать тысяч миров».

⁵ Маскара – по другим источникам, в том числе и в самой анализируемой марсии – Мачаскара (совр. Кукморский р-н РТ).

⁶ *Амирханов Р.У.* Путь шейха Мухаммад Закира Чистави [Электронный ресурс]...

⁷ Табарак – сура «Мульк», которая является 67-й по счету.

⁸ Минбар – кафедра, трибуна.

⁹ К сожалению, в марсии не дается полного имени муллы Закира.

Аннотация

В статье представлен литературный анализ марсии-элегии неизвестного автора на смерть татарского накшбандийского шейха М.-З.Камалова. В произведении рассказывается о примечательных фактах жизни и деятельности М.-З.Камалова, его личных достоинствах, излагаются эпизоды последних минут перед его кончиной, а также сведения о дальнейшей судьбе некоторых из детей, последователей и муридов прославленного шейха.

Ключевые слова: марсия, Мухаммад-Закир ишан Камалов, суфизм, накшбандийский шейх.

Summary

The article presents the literary analysis of marsiyah-elegy of the unknown author on the death of the Tatar Naqshbandi Sheikh M.-Z.Kamalov. The work describes some remarkable facts of the life and activity of M.-Z.Kamalov, his personal merits, episodes of last minutes before his death, as well as the information about the life of some of his children, followers and murids.

Keywords: marsiyah, Muhammad-Zakir Ishan Kamalov, Sufism, Naqshbandi Sheikh.